

Удк 94(575.2)

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

В.П. Яншин

Анализируются основные причины складывания отношений между Россией и кыргызами в конце XVIII – начале XIX вв.

Ключевые слова: подданство; посольства; торговые караваны; манапы; би.

KYRGYZ-RUSSIAN RELATIONS IN THE LATE 18th – EARLY 19th CENTURIES

V.P. Yanshin

The article analyses the main reasons for establishment of relations between Russia and Kyrgyz people in the late 18th – early 19th centuries.

Key words: citizenship; embassies; trade caravans; manaps; biys.

Первые посольства в 1785–1786 гг., посланные сарыбагышским бием Атаке, никаких особенных практических последствий не имели. Данные посольства стояли в одном ряду с десятками подобных акций, предпринимавшихся казахскими и киргизскими родоправителями. В XVIII веке по отношению к России и Китаю политика двух великих держав к своим кочевым соседям – казахам и киргизам – основывалась на стремлении добиться безопасности своих границ. Поэтому резко активизировались дипломатические контакты с казахскими и киргизскими родоправителями. По существовавшей в то время модели международных отношений более слабый партнер при заключении определенных договоренностей должен был признать себя подданным или находящимся под покровительством более сильного соседа. Такой стандартный догматический подход, дававший неплохие результаты при договорах между государствами, оказался крайне неэффективным в отношении народов, живущих родоплеменным строем при господстве кочевого скотоводства.

При рассмотрении вопроса о дипломатических контактах России с кыргызскими племенами одной из главнейших проблем является интерпретация данного процесса с позиции каждой из сторон. Так, И. Бичурин считал, что «подданство считают кочевые торгом совестью, в котором предполагают выиграть по крайней мере 400 на 100, посему, когда находят благоприятный к тому случай, то еще соперничают в готовности изъявить

подданческое усердие, но если бывают обмануты в надежде (выиграть 400 на 100), то ухищряются мстить набегами, хищничеством, убийством» [1, с. 240]. А туркменское племя йомудов рассматривало подданство как службу за определенную плату, без всякого вмешательства в их внутренние дела [2, с. 855]. Благодаря такому резкому расхождению в понимании подданства стали постоянно возникать конфликтные ситуации. Стоит отметить, что родоправители кочевников значительно быстрее разобрались в сложившейся ситуации, усвоив следующее: за слова о признании подданства или покровительства можно просить различные подарки и в случае необходимости обращаться за помощью против соседей. По мере активизации российских или китайских властей, стремящихся заполучить таких «подданных» или принять их под «покровительство», родоправители стали требовать себе титулов и жалованье, обещая помимо всего прочего еще и «охранять» купеческие караваны, при этом, естественно, настаивая, чтобы караванные маршруты проходили по их земле, что давало им еще один источник обогащения. Так, в 1825 г. на основании показаний купцов полковник Кемпен писал о бугу: «Сии киргизы очень вредны, нередко останавливают караваны, грабят и берут пошлину» [3, л. 4], а в 1827 г. купец С. Попов в донесении тому же Кемпену указывал: «Во время торга у каменных киргизов и при проходе через оных в Кашгарию платятся там каждому на пути бию сколько оный рассудит взять» [4, с. 105].

В начале 60-х гг. одно из посольств Аблай-хана привезло из Пекина подарков на 4 тыс. рублей [5, с. 170]. Б.П. Гуревич отмечал, что «именно получение подобных подарков было существенным стимулом для организации довольно частых казахских посольств в Китай. Влиятельные владельцы Среднего жуза рассказывали русским, что Аблай «подчинился» Китаю «для своих прибытков» [5, с. 170]. Однако как только китайцы перестали давать подарки Аблаю, то он стал говорить (в 1764 г.), что лучше перейти к России [5, с. 173]. Такая политика родоправителей не была секретом для цинского двора. Например, в императорском указе (октябрь 1759 г.) отмечалось, что казахские старшины едут в столицу империи, рассчитывая на подарки [6, с. 28]. С целью пресечения такой практики указом 1793 г. было запрещено ездить младшим сыновьям и братьям ханов и султанов. Поскольку расходы на их «визиты» становились все больше и больше [6, с. 28].

Точно такая же ситуация сложилась и в российско-казахских отношениях. Добившись того, что в 1731–1732 гг. Младший и Средний жузы приняли российское подданство, власти рассчитывали на прекращение набегов на границу, однако уже через 2 года нападения возобновились [7, с. 43].

М.А. Терентьев отмечал, что «вообще подданство киргиз (казахов. – В.Я.) было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними точно ради славы считаться владыкою киргиз! Ханов заманивали в подданство и удерживали в нем щедрыми подарками, а с 1750 г. и жалованьем. Беспрестанные посольства от ханов походили просто на вымогательство. Действительно, что приобрело, наконец, характер ежегодной дани, и правительство вынуждено было назначить двукратный срок для приезда послов, чтобы не каждый год нести эту новую повинность!» [7, с. 58]

Что же касается киргизов, то они в первую очередь установили «контакты» с Китаем исходя из своего географического положения. Не успели китайцы в 1757–1758 гг. занять Восточный Туркестан и войти в соприкосновение с киргизами, как уже в 1758 г. в Пекин прибыли родоправители Нише (солто), Тореке (чагыр-саяк), Шукуру (кушчи), Черикчи (сарыбагыш-бугу), которым дали подарки и знаки чиновного достоинства (шарик и павлиньи перья на шапку) [6, с. 45]. Последними, по всей видимости, биями, которые отправляли «посольства» в Пекин, были Хаджибай (адигине), Джамалат и Шаджан (оба черики), представителям которых китайцы заявили, чтобы они жили мирно с соседями и во всех делах подчинялись указания кашгар-

ского и яркендского начальства, только в этом случае они и впредь будут получать подарки [6, с. 45].

Таким образом, отправляя первое посольство в Россию, Атаке-бий имел уже много сведений как от казахов, так и от киргизов о том, как строить взаимоотношения с далекой Россией. Говоря о целях этого посольства, надо отметить, что в историографии давно сложилось мнение, что обратиться за покровительством к России Атаке-бия побудили внешнеполитические причины: на западе усилилось влияние Кокандского ханства, на юге наступает Цинский Китай, на северо-востоке завязывается борьба из-за пастбищ с казахами [8, с. 484]. Помимо этого говорится о желании Атаке-бия изменить существующий маршрут торговых караванов, связывающий Россию с Восточным Туркестаном и Индией, направив его через Кыргызстан [8, с. 484]. Кстати, в самом письме Екатерине II Атаке-бий говорит только о желании узнать «о Высочайшем здравии Вашего Императорского Высочества» [9, с. 55]. Относительно же внешнеполитической ситуации к 1785 г. на севере Кыргызстана можно отметить следующее: до 1815 г. никакой угрозы северным киргизам со стороны Кокандского ханства не существовало; единственные столкновения китайцев с киргизами были в 1758–1760 гг. после чего Пекин старался держать под контролем киргизов при помощи дипломатических и «материальных» стимулов; большая угроза киргизам была при Аблай-хане, однако он умер в 1781 г. после чего натиск казахов резко уменьшился. Еще есть один любопытный нюанс: в своем письме к начальнику сибирских полков генералу Н.Г. Огареву Атаке-бий называет Екатерину II «Императором 4 раза» [9, с. 53–54], а в письмах к начальнику Сибирской линии Н.С. Федцову и самой Екатерине II уже «Ее Императорского Величества» и «Государыня» [9, с. 54–55], да и сам стиль двух последних писем резко отличается от первого. Из этого можно сделать следующие выводы: во-первых, только первое письмо было написано в присутствии Атаке-бия, а два последних уже написали в Омске, когда узнали, что Россией правит не мужчина, а женщина; во-вторых, в противовес устоявшемуся мнению, что северные киргизы уже давно посматривали в сторону России, рассчитывая на ее покровительство, можно отметить, что оказывается Атаке-бий и его приближенные, в том числе и вроде бы бывший российский подданный Абдрахман Кучаков, не знали, что с 1762 г. правит Екатерина II уже как 23 года. Также можно отметить, что «посольство» вполне оказалось выгодным предприятием – за 1 арапа, 3 барсовых и 5 рысьих шкур Атаке-бий получил 800 рублей серебром [9, с. 65] (шкура, естественно, были добыты охотниками,

а арап, по всей видимости, достался Атаке от какого-нибудь разграбленного каравана, т. е. затраты на подарки составили нулевую сумму), в накладе не остался и сам глава посольства А. Кучаков, получивший 100 рублей [9, с. 67].

Еще одним доказательством, что для Атаке-бия это посольство являлось одноразовым предприятием, является то, что после возвращения послов он напрочь забыл о России, не поддерживая с ней никаких отношений, хотя прожил еще более 20 лет. К тому же, именно в 80–90-х гг. XVIII века российские власти активно контактировали с казахами по поводу их пресловутого «подданства» и если бы Атаке-бий желал бы продолжения отношений, то ситуация как никогда этому способствовала. Помимо всего можно отметить, что как раз в последние 20 лет жизни Атаке-бия никаких внешних угроз северным киргизам не было, и соответственно не существовало помех для продолжения контактов хотя бы путем отправки писем, однако этого не произошло. Вообще же сарыбагыши полностью потеряли интерес к взаимоотношениям с Россией, и только спустя 60 лет в совершенно иной обстановке он вновь возникнет.

Новым толчком для восстановления отношений с киргизами послужила активизация российских властей в деле расширения торговли в Восточном Туркестане в начале 10-х гг. XIX века. Так, в 1813 г., сопровождая купеческий караван в Аксу, переводчик Бубеннов вошел в контакт с бугинскими биями Ширалы и Ниязбеком, которые согласились сопровождать караваны на своей территории и никакой пошлины с них не брать, а также предложили быть посредниками в торговле с Восточным Туркестаном, Тибетом и Кашмиром [10, с. 584]. Обратное, в Омск, с караваном были отправлены их дети – Качибек Ширалин и Якуб Ниязбеков, которые очень настаивали, чтобы их отправили в Санкт-Петербург за казенный счет для принесения покорности бугу императору [10, с. 585]. Отклонив эту просьбу, командующий войсками Сибирской линии Г.И. Глазенап, рассчитывая на реальную помощь бугу в безопасной провозке караванов в Восточный Туркестан, подарил Качибеку золотую медаль, а Якубу – бриллиантовый перстень [10, с. 585].

Дальнейший ход событий подтвердил давно известную истину: рассчитывать на кочевников в деле охраны купеческих караванов абсурдно, так как по представлениям кочевых родоправителей купцы являлись одним из источников их материального благополучия и крайне сложно было всегда определить, то ли берется слишком большая пошлина за проход через свои земли, то ли идет настоящий грабёж. В 1858 г. Ч.Ч. Валиханов об-

рисовал «правила торговли» у киргизов: 1) караван должен заплатить зякет; 2) дать выкуп за свободный проезд; 3) подарки родоначальнику; 4) не должен обходить аулы знатных вождей (т. е. еще поборы. – В.Я.) [4, с. 106]. Открытый же новый путь через кочевья бугу очень скоро пришел в упадок по тем же причинам. В 1821 г. начальник омской области С.Б. Броневский отправил письмо к бугу, в котором напоминал им о взятых на себя обязательствах по сопровождению торговых караванов [11, с. 26]. В это же время в кочевьях бугу торговали Файзулла Сайфуллин и П.А. Пиленков, с ними был и Усунбай Шукуров (теленгут султана Г. Адилева), которые уговорили биев трех родов вступить в российское подданство [12, л. 10]. В декабре 1824 г. в Омск прибыли депутаты от трех родов бугу: белековского (Абулгазы Ширалин), арык-тукминского (Хакимбек Ульжебаев), джилденского (Алимбек Джапалаков) [13, л. 21]. От каждого рода было свое письмо, которые судя по всему написал Ф. Сейфуллин, знающий, как писать прошения российскому начальству, к тому же они очень схожи по стилю и по употребляющимся словам и выражениям [9, с. 101–104]. Однако есть и три существенных различия: 1) в письме белековского рода упоминается об ограблении бугинцами торгового каравана, на что они отвечают: «... а как у нас султанов нет, народ же нам не повинуется, а потому не благосудно ли будет Вам послать к нам воинский отряд, а мы могли б показать шалунов киргизов, которых и усмирить б чрез таковое доброе распоряжение Ваше» [9, с. 101], т. е. белековцы говорят за всех бугу. В письмах же арык-тукминского и джилденского родов говорится, что «за своих же подведомственных мы ручаемся, а других родов киргизы нас не слушают» [9, с. 102–104]. Такая разница в первую очередь объясняется претензиями белековского рода на ведущую роль среди бугу и, как выше указывалось, они первые послали в 1823 г. письмо с изъявлением желания вступить в подданство России; 2) только в письме белековского рода говорится об ограблении купеческого каравана, в двух других письмах об этом не упоминается [9, с. 102–103], к тому же белековцы обещают, что если придет воинский отряд, то они укажут на грабителей. Отсюда можно сделать вывод, что белековцы действительно не участвовали в грабеже, а два других рода принимали в нем участие прямо или косвенно; 3) помня о своем опыте при отправке посольства в 1814 г. белековцы в конце письма просят «не оставить Вашими милостями посланного нашего брата с товарищи», чего в двух других письмах нет [9, с. 102–104].

В январе 1825 г. Броневский обобщил просьбы киргизских депутатов – 1) отправить их

в Санкт-Петербург для испрошения покровительства; 2) поставить к ним в кочевья команду для восстановления порядка; 3) учредить через места ими обитаемые безопасный путь для караванов, которые они будут сопровождать [14, с. 34]. Как видно из перечисленного, к традиционным желаниям добавилась просьба послать отряд на Иссык-Куль. В ответном письме Броневский говорил, что «Россия предлагает вам свое могущественное покровительство и защиту с тою уверенностью, что вы постоянно и неизменно будете благоприятствовать нашей торговле, препровождать и охранять купеческие караваны... но если потребуются вам от России защита, то присылайте к нам Ваших людей и не останетесь без удовлетворения» [9, с. 111]. Следовательно, две первых просьбы не были удовлетворены, а насчет третьей – «все от вас зависит». Кроме того, депутаты просили себе наград, а для посланных их биев – чинов, в результате медали были даны, а чины – нет [15, с. 72]. Помимо медали Алимбеку Джапалакову была подарена золотая сабля [16, л. 53].

В июне 1825 г. отряд под командованием хорунжего Нюхалова прибыл на оз. Иссык-Куль с письмом Броневского. Для ознакомления с ответом были приглашены почти все бии, кроме Яик-Амана [17, с. 248]. Сложно сказать, что произошло во время обратного пути бугинских послов с отрядом Нюхалова, но по прибытии домой Абулгазы Ширалин стал угрожать русским нападением, после чего Нюхалов не стал вступать в пререкания и удалился вверх по течению р. Каракол и расположился там лагерем [17, с. 247]. Официальная часть мероприятия прошла без эксцессов, и стороны расстались вполне довольные друг другом. Однако в апреле 1827 г. бии Качибек, Ажибай, Муса-хаджи и Юнус Ширалины отправили письмо к генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу, в котором просили дать Качибеку такую же золотую саблю, какая была подарена Алимбеку Джапалакову, а другим – по золотой медали, хотя они и не участвовали в посольстве [18, л. 375].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, основная цель кыргызских посольств в 1785–1825 гг. в Россию заключалась в получении определенных материальных благ (подарки, чины, выгоды от транзитной торговли).

Во-вторых, при анализе причин присоединения кыргызских племен к России необходимо учитывать интересы маналов и биев, которые заключались в следующем: 1) быть полновластными правителями в своих племенах и родах; 2) для достижения этого стараться лавировать между крупными государствами – Россией, Китаем, Кокан-

дом – применяя систему «прошений подданства»; 3) являясь мусульманами, несмотря на определенные проблемы с кокандцами, ориентироваться в первую очередь на них; 4) стараться, чтобы никто из крупных стран не вмешивался в отношения их с казахами.

В третьих, политика России по отношению к северным кыргызам в основном заключалась в обеспечении беспрепятственного прохода купеческих караванов в Восточный Туркестан через их территорию.

Список использованных источников

1. Григорьев В.Д. Русская политика в отношении к Средней Азии / В.Д. Григорьев // Сборник государственных знаний. СПб, 1874. Т. 1.
2. А.Ч. М.Г. Черняев в Средней Азии (на Сыр-Дарьинской линии) // Исторический вестник. 1915. № 6.
3. Дорожник от Семипалатинска до Кашгара, Аксу и индийских владений. Составлен на основании показаний купцов полковником Кемпеном 27.11.1825 г. // Архив АН РФ. Ф. 2. Оп. 1 (1827). Д. 8.
4. Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с 18 до середины 19 века / Д.Б. Сапаралиев. Бишкек: Илим, 1999.
5. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в 17 – первой половине 19 вв. / Б.П. Гуревич. М., 1983.
6. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубеже Центральной Азии (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX вв.) / В.С. Кузнецов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983.
7. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 1 / М.А. Терентьев. СПб: Тип. В.В. Комарова, 1906.
8. История Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1984. Т. 1.
9. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сборник документов и материалов. Бишкек: Илим, 1998.
10. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. VII. М.: Политиздат, 1970.
11. Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии 19 века (первая половина) / Б. Джамгерчинов. Фрунзе: Илим, 1966.
12. Донесение начальника Омской области С.Б. Броневского генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу. 25. 11. 1824 г. // ЦГА РК. Ф.И. 338. Оп. 1. Д. 350.
13. Донесение начальника Семипалатинского внутреннего округа Кемпена начальнику Омской области С.Б. Броневскому. 22. 11. 1824 г. // ЦГА РК. Ф.И. 338. Оп. 1. Д. 350.
14. Внешняя политика России XIX – конца XX века: Документы Российского министерства ино-

- странных дел. Серия 2. Т. 6(14). М.: Наука, 1985.
15. *Коншин Н.* Каракиргизская депутация 1824 г. / Н. Коншин // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900.
  16. Отношение генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде. 26.05.1825 г. // ГАОО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 419.
  17. Путевые заметки лекаря Зибберштейна. Составитель М.П. Вяткин // Исторический архив № 1. М. – Л., 1936.
  18. Письмо от биев закаменных киргиз капитана Койчибека, Ажибая, Мосахаджи и Юнуса Ширайлиных генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу. 9.04.1827 г. // ГАОО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 419.